

misterium

misterium

МАКС БАРРИ **ЛЕКСИКОН**



ЭКМО
Москва
2015

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
Б25

Max Barry
LEXICON

Copyright © 2013 by Max Barry

Иллюстрация на переплете
и суперобложке *Анатолия Дубовика*

Барри, Макс.

Б25 Лексикон / Макс Барри ; [пер. с англ. М. Павлычевой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 416 с.

ISBN 978-5-699-79370-9

Эмили – обычная девушка с улицы, раскручивающая праздную публику на заведомо проигрышную игру в карты. Она не претендует ни на что большее. Но однажды незнакомые люди приглашают ее в особую школу для особенных учеников. Это потому, что Эмили хорошо обращается со словами, говорят они. Девушку учат управлять сознанием других людей с помощью необычных звукоочетаний. Постепенно Эмили понимает: существует такое слово, с помощью которого она сможет заставить кого угодно совершить что угодно. Им можно убедить, а можно и убить. Это слово сделает его владельца равным Богу. Но дело в том, что Богом хочет быть не только Эмили...

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

© Павлычева М.Л., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-79370-9

Для Джейн, снова

*Каждая история, когда-либо написанная,
Состоит из одинаковых букв, одинаковых символов,
Расставленных в разном порядке.
Иногда эти символы приносят радость,
Иногда — печаль.
А иногда люди бросают их в огонь,
Потому что их расстановка несет страх и ужас.*

ЧАСТЬ I

ПОЭТЫ

Когда был создан Ра, величайший из богов, отец дал ему тайное имя, столь ужасное, что ни один человек не решался разузнать его, и столь преисполненное могущества, что все другие боги жаждали узнать его и завладеть им.

Ф. Г. Бруксбэнк «Легенда о Ра и Исиде»

Глава

01

- Он приходит в себя.
- У них с глазами всегда так.

Мир был в тумане. На правый глаз что-то давило. Он сказал: «Мм».

- Черт!
- Дай сюда...
- Поздно, забудь об этом. Вынимай.
- Еще не поздно. Держи его.

В поле его зрения появился силуэт. Он учуял запах алкоголя и застоявшейся мочи.

- Уил? Слышишь меня?

Он потянулся к своему лицу, чтобы смахнуть то, что давило.

— Убери... — На его запястье сомкнулись чьи-то пальцы. — Уил, тебе нельзя прикасаться к своему лицу.

- Почему он в сознании?
- Не знаю.
- Ты что-то напортачил.
- Ничего я не напортачил. Дай мне вот то...

Шуршание. Он сказал: «Мм-м».

— Перестань дергаться. — Он ухом ощутил чье-то дыхание, горячее и нежное. — У тебя в глазном яблоке игла. Не двигайся.

Он не двигался. Что-то завибрировало, что-то электронное.

- Ах, черт, черт...
- Что?
- Они здесь.
- Уже?
- Двое из них, как видно. Надо уходить.

— Я уже вошел.
— Нельзя ничего делать, пока он в сознании. Ты поджаришь ему мозг.

— Надеюсь, не поджарю.

Он сказал: «П-пжааалста, не убивайте меня».

Щелканье зажимов.

— Я в процессе.

— Нельзя, пока он в сознании, и у нас мало времени, и мы, кажется, ошиблись с парнем.

— Если не хочешь помогать, так хотя бы не мешайся под ногами.

Уил сказал:

— Мне... нужно... чихнуть.

— Чих только повредит тебе, Уил. — Он ощутил, как на грудь опустилась тяжесть. В глазах потемнело. Его глазное яблоко слегка дернулось. — Может быть чуть-чуть больно.

Звук надрезаемой плоти. Тихий электронный вой. Ему в мозг воткнулся железнодорожный костыль. Он закричал.

— Ты жаришь его.

— Ты в порядке, Уил. С тобой все в порядке.

— Он... ох, у него кровь идет из глаза.

— Уил, мне нужно, чтобы ты ответил на несколько вопросов.

Важно, чтобы ты отвечал честно. Ты понял?

«Нет, нет, нет...»

— Первый вопрос. К кому ты себя относишь: к тем, кто любит собак, или к тем, кто любит кошек?

«Какого...»

— Давай, Уил. Собак или кошек?

— Данные невозможно прочитать. Именно мы ничего не делаем, когда объекты в сознании.

— Отвечай на вопрос. Боль прекратится, когда ты ответишь.

«Собак! — завопил он. — Собак, умоляю вас, собак!»

— Это была собака?

— Ага. Он пытался сказать «собак».

— Отлично. Очень хорошо. Один есть. Какой твой любимый цвет?

Что-то зазвенело.

— Проклятье! Черт побери!

— Что?

- Вульф здесь!
- Это какая-то ошибка.
- Эта штука показывает, что она здесь, черт побери!
- Покажи.

«Синий!» — кричал он в тишину.

— Он ответил. Видел?

— Да, видел! Ну, и что из этого? Нам надо уходить. Нам надо уходить.

— Уил, я хочу, чтобы ты задумал число между единицей и сто.

— О, боже.

— Любое число, какое хочешь. Давай.

«Я не знаю...»

— Сконцентрируйся, Уил.

— Сюда идет Вульф, а ты тыкаешь зондом не в того парня.

О чем ты только думаешь?

«Четыре, я выбрал четыре...»

— Четыре.

— Я видел.

— Молодец, Уил. Еще два вопроса. Ты любишь свою семью?

«Да, нет, что за...»

— Она уже рядом.

«У меня нет... наверное, да, то есть все любят...»

— Подожди, подожди. Ладно. Я вижу. Господи, ничего не понять...

— Еще один вопрос. Зачем ты это сделал?

«Что... я не...»

— Простой вопрос, Уил. Зачем ты это сделал?

«Что я сделал сделал сделал...»

— Очень спорно, я бы сказал. Все указывает на восемь разных сегментов.

«Я не понимаю о чем вы я ничего не делал клянусь я никогда никому ничего не делал только только однажды я был знаком с девушкой...»

— Вот.

— Да. Да, верно.

На его рот легла ладонь. Давление на глазное яблоко усилилось, как будто его высасывали. Они вытаскивают его глазное яблоко. Нет, это игла, ее вынимают. Он пронзительно вскрикнул, возможно. А потом боль ушла. Чьи-то руки подняли его. Он ничего не ви-

дел. Он плакал по своему несчастному, измученному глазу. Но тот был на месте. На месте.

В тумане замелькали неясные тени.

— Что, — сказал Уил.

— Коарг медисити найтен коменс, — сказала тень повыше. —

Вставай на ноги.

Уил зажмурился, озадаченный.

— Ш-ш, — сказала тень ниже. — Может, это все же он.

Они наполнили раковину и ткнули его лицом в воду. Он вынырнул, судорожно хватая ртом воздух.

— Не намочи его одежду, — сказал высокий.

Он был в туалете. В аэропорту. Он прилетел в три ноль пять вечера из Чикаго. В самолете место у прохода занимал крупный мужик в гавайской рубашке, и Уил никак не мог его разбудить. В аэропорту туалет был закрыт на уборку, но уборщик снял табличку, и Уил со всех ног припустил к заветной двери. Он подскочил к писсуару, расстегнул брюки и испытал непередаваемое облегчение.

Дверь открылась. Вошел высокий мужчина в бежевом пальто и с красивыми глазами. В туалете было по меньшей мере с полдюжины свободных писсуаров, но мужчина встал рядом с Уилом. Летели секунды, а незнакомец все не писал. Уил, на высокой скорости опорожнявший мочевой пузырь, ощутил в душе сострадание к бедняге. У него такое случалось.

Дверь снова открылась. Вошел еще один мужчина и запер дверь.

Уил заправил свое хозяйство в брюки. Он посмотрел на мужчину рядом с собой и подумал — как забавно это выглядит в ретроспективе, — что, что бы тут ни случилось, какую бы опасность ни нес с собой тот тип, что сейчас вошел в общественный туалет и запер дверь, он, Уил, и высокий мужчина в пальто по крайней мере заодно. Что их по крайней мере двое против одного. А потом он заметил, что взгляд у Мочевого Пузыря спокойный и серьезный, вернее, что взгляд у него спокойный, как у человека, которого не удивляет происходящее. В следующее мгновение Мочевой Пузырь схватил его за голову и толкнул так, что Уил шарахнулся об стену.

Потом была боль и вопросы.

— Надо смыть кровь с волос, — сказал коротышка и принялся ожесточенно вытирать Уилу лицо бумажными полотенцами. — Его глаз выглядит ужасно.

— Если они подберутся достаточно близко, чтобы увидеть его глаз, у нас будут большие проблемы. — Высокий вытирал ему руки маленькой белой тряпочкой, уделяя внимание каждому пальцу. Он был худым, со смуглой кожей, и сейчас его глаза уже не казались Уилу красивыми. Они были холодными и излучали полное бездушие. Как у человека, который способен наблюдать за чем-то ужасным и не отводить взгляд. — Итак, Уил, ты с нами? Можешь идти и разговаривать?

— Пошел, — сказал Уил, — к чррррту. — Прозвучало не так, как он хотел. Его голова поникла.

— Отлично, — сказал высокий. — Договорились. Нам нужно как можно быстрее с наименьшим шумом выбраться из аэропорта. Я хочу, чтобы ты сотрудничал с нами. Если я этого не получу, то сделаю все, чтобы твоя жизнь превратилась в ад. Не потому, что у меня на тебя есть зуб. Просто я хочу, чтобы у тебя была правильная мотивировка. Ты понял?

— Я... — Уил поискал слово. «Небогат»? «Непохищаем»? — Никто. Я плотник. Я строю террасы. Балконы. Бельведеры.

— Да, вот поэтому ты и здесь, из-за своих неповторимых бельведеров. Можешь забыть об этом. Мы знаем, кто ты такой. И они знают, кто ты такой, и они здесь, так что давай уберемся отсюда, черт побери, пока нам не помешали.

Уил замер на мгновение, чтобы подобрать слова, потому что у него возникло ощущение, что другой возможности у него не будет.

— Меня зовут Уил Парк. Я плотник. У меня есть девушка, и она ждет меня на стоянке. Я не знаю, за кого вы меня принимаете и зачем вы воткнули ту... ту штуку мне в глаз, но я никто. Честное слово, я никто.

Коротышка упаковывал инструменты в коричневый ранец, забросил его на плечо и уставился на Уила. У него были жидкие волосы и беспокойные брови. Уил принял бы его за бухгалтера в обычной ситуации.

— Вот что я вам скажу, — сказал он. — Я зайду в кабинку и закрою дверь. Двадцать минут. Я выжду двадцать минут. Как будто мы с вами никогда не встречались.

Коротышка бросил взгляд на высокого.